

Павел Никольский

МОИМ ДЕТЯМ

(В сокращении)

ИСПОВЕДЬ ИСТОРИКА П.В. НИКОЛЬСКОГО

«На пятьдесят втором году жизни приходится признать себя конченным человеком. События революции еще в 1917 году прервали жизненный путь, то есть движение жизни вперед. Тогда казалось, что это временный перерыв, что педагогическая работа, составляющая содержание жизни, снова наладится. Оказалось иное. Из педагогики я выбыл совсем, а новые работы не дают удовлетворения, являясь только средством материального существования. Итак, пора подвести итоги жизни».

Так начинается письмо-завещание «Моим детям» церковного историка, педагога и публициста Павла Васильевича Никольского (1870–1942), обнаруженное его правнуками¹ практически в день 150-летия знаменитого предка.

П.В. Никольский родился 27 июня 1870 года в селе Сотницыно Шацкого уезда Тамбовской губернии (ныне — поселок в Сасовском районе Рязанской области). Окончил Шацкое духовное училище, Тамбовскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. В 1895 году был назначен в Воро-

неж, где преподавал церковную и библейскую историю в местной семинарии и русский язык в Епархиальном женском училище. Автор более ста рецензий, статей и монографий, среди которых — «История Воронежской духовной семинарии» (1898–1899) и «Монашество на Дону» (1909), разворачивающие масштабную картину духовной жизни Воронежской епархии. С 1904 года занимал должность епархиального наблюдателя церковных школ, однако конфронтация с духовенством, не выделявшим на школы необходимых средств, и материальные трудности вынуждают Никольского покинуть пост и переехать в Новочеркасск. Октябрьская революция 1917 года застаёт его в Саратове. В 1921-м он устремляется в Москву, где его назначают заведующим подотделом в Наркомфине, затем ответственным исполнителем ЦК Союза финансовых и банковских работников. Однако и здесь ему не удается достичь внутренней гармонии, и в 1922 году П.В. Никольский пишет письмо-завещание «Моим детям».

¹ За предоставление письма-завещания и других документов о П.В. Никольском автор статьи выражает благодарность правнуку историка М.Б. Резникову и его супруге О.Г. Варшевой.

В 1932 году Никольский был задержан и доставлен в Бутырский изолятор. На допросе он сообщил, что Октябрьскую революцию встретил как неизбежность (ниже приписка: «Не только как неизбежность, а и как положительный переворот, выданный историей»), но насилie противно его убеждениям, поэтому он призывал своих детей не принимать участия в кровопролитии, а в строительстве новой жизни — принимать. Он добавил, что не одобряет сноса ценных исторических храмов. Наконец, как председатель церковного совета П.В. Никольский стремился воспитывать детей прихожан в христианском духе, считая, что советская власть пагубно влияет на их нравственное развитие. Впрочем, до воплощения этих планов, по его словам, дело не дошло. Виновным в антисоветской агитации он себя не признал. Решением заседания тройки при ПП ОГПУ МО Никольский был освобожден, но лишен права проживания в столицах и ряде регионов с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

Последним довоенным адресом П.В. Никольского стала Сычевка (Смоленская область), где он преподавал литературу в сельскохозяйственном техникуме. В конце 1941 года был эвакуирован в село Дюртюли Башкирской АССР. «Последний год жизни, во время войны, в Башкирии, переноса голод и холод, с подорванным здоровьем, отец был в большой тревоге за судьбу единственного сына, не имея от него известий с сентября 1941 года, и за судьбу детей, разбросанных по разным местам... Но светлое настроение неизменно оставалось у него. И это вызывало к нему у всех, кто с ним соприкасался, чувство глубокой симпатии и расположения», — вспоминали дочери.

Он умер 6 апреля 1942 года, причиной послужило крупозное воспаление легких. Его супруга Валерия Леонардовна скончалась 1 мая того же года. 8 июля 1993 года П.В. Никольский был реабилитирован.

Вера НАЗАРОВА

Я воспитывался в семье пономаря, а потом диакона. В смысле духовном семья стояла градусом выше обычного дьячковского уровня. Были небольшие умственные запросы, особенно у отца по части прикладных (технических) знаний, а у матери — по части религиозных вопросов, точнее, духовно-назидательного чтения, или лучше — слушания такого чтения, так как сама она была малограмотна.

В религиозном отношении семья отличалась строгой церковностью. В церкви мы, дети, стояли в алтаре. Казалось бы, чего лучше — в алтаре самое святое настроение. А на деле выходило не то: мы стояли там за стеной, отделявшей нас от молящегося народа, и не впитывали в себя этой молитвенной атмосферы. Совершавшееся же священником и диаконом (отцом) в алтаре скользило мимо сознания. В результате образовалась привычка к церкви и ее уставам, но без сердечного расположения к ним.

Память о детских годах очень бедна. Я рос тихим мальчиком, не любил шумных и резких выходов, не участвовал в драках-играх, отличаясь в этом отношении от своих старших братьев. Это оттеняло их шалости, вызывало похвалы мне и порицания им от родителей, что вызывало недобрые чувства их ко мне. Но резких столкновений между нами не было, так как я во многом уступал им, чтобы не раздражать. Пример. Чтобы я не сказал отцу и матери о том, что братья курят, меня заставляли курить. Я закурил, но меня вырвало, и они больше к этому меня не принуждали.

В шестом классе [Тамбовской духовной семинарии] был первым учеником. Особенно любил историю. Пушкина и Лермонтова выписывал целыми произведениями в свою тетрадь. С товарищами жил дружно. Темная черта: очень любил иг-

рать в преферанс. Играл запоем, особенно в каникулярное время. Водки совсем не пил, хотя среди товарищей пьянство было страшно развито.

Религиозно-философское сознание пробудилось на семнадцатом году. Первые серьезные мысли возникли во время уединенных прогулок на каникулах — о бесконечности пространства и времени. И тот безбожный скептицизм, которым я страдал потом, зародился во мне именно на семнадцатом-восемнадцатом году моей жизни. Вместе с тем явился жизненный интерес к чтению философских и особенно богословских сочинений. И самая семинарская наука, при всей ее сухости и схоластичности, для меня была живым делом.

При такой внутренней работе мечты товарищей о материальном благополучии меня совсем не трогали. На жизнь земную я смотрел очень равнодушно.

Отсюда мысль о будущем приковалась к работе на народно-просветительском поприще... О священстве я не думал, сознавая свой основной недостаток — религиозные сомнения. И это пошло со мною на всю жизнь: на предложения стать священником я отвечал отказом, удивляя своих знакомых, знавших мое церковное настроение, но не знавших, что в тайниках моей души часто копошится червь сомнения.

Между тем оканчивался семинарский курс. Я оказался первым учеником, и начальство решило послать меня на казенный счет в [Казанскую духовную] академию. Я с радостью принял это назначение...

Счастливая пора: расцвет самосознания и полная свобода от шкурных интересов. Настроение кротости и незлобы вследствие ясного сознания, что зависть есть выражение эгоизма, а гнев и раздражительность — плод недомыслия. Жизнь в области духа и только в этой области. Религия, философия, этика, литература, театр — вот все содержание жизни. Вследствие этого не только внешние события академической жизни, но и вообще внешняя, материальная культура и политика мало меня занимали, и я не участвовал ни в каких политических кружках. Теперь, переплывши море практической грязи и наполнив утонувши в ней, все-таки скажу, что я был прав и что только с тогдашним моим настроением можно было вступать в жизнь.

Я искал Бога у профессоров, на их лекциях. Но находил ответ только очень и очень микроскопический. Тогда я погрузился в богатую библиотеку академии, в ее собственно философский отдел. Читал многое наугад, читал много лишнего, что выбрасывалось из головы, как ненужный хлам. Но нападал и на драгоценные камни.

Таковы «Исповедь» Блаженного Августина, «Исповедь» Руссо, автобиография Д.С. Милля, «Вопросы жизни» Н.И. Пирогова, «Исповедь» Л.Н. Толстого, дневник Амьеля и «Мысли о религии» Паскаля. Очень сильное влияние имел на меня Достоевский. Идеи Алеши Карамазова, старца Зосимы, «Дневник писателя» были мне особенно дороги, я жил ими.

Но все это — и лекции профессоров, и Достоевский с Толстым — были лишь второстепенным средством в создании убеждения. Главное значение имела внутренняя, чисто субъективная работа. Она выражалась в еще большей степени, чем в семинарии, в терзаниях духа, в каком-то внутреннем кипении и горении до изнеможения, до отчаяния. Измученный, я обращался за советом и помощью к одному товарищу, В.В. Харитонову, постоянно находившемуся в богомыслии и молитве. И он настойчиво советовал мне бросить путь логических доказательств и перейти к опытному пути веры, то есть в молитве, чтении творений подвижников и добрых делах убедиться в истине веры. Но последовать его совету вплотную я не смог... на это не хватило решимости.

Между тем обычная студенческая жизнь шла своим чередом. На третьем курсе поднялся вопрос об избрании темы для кандидатского сочинения. И я остановил-

ся на проблеме значения веры в бессмертие для нравственной жизни. Эта тема захватила меня, и в последние академические годы я работал, главным образом, над ней. В то же время я выделился среди товарищей на одно из первых мест, и мы думали, что сочинением такого серьезного характера я обеспечу себе будущее в академии. Но мысль о профессуре оказалась преждевременной, так как мое сочинение не было одобрено. В результате меня выпустили из академии, но при академии я не остался. Это был большой удар по моему самолюбию. Пришлось отказаться от широкой научной деятельности.

По окончании академии я в течение десяти лет был преподавателем Воронежской духовной семинарии по церковной истории и Епархиального училища по русскому языку и словесности. Но более всего я занимался местной историей. После неудачи с диссертацией я признал, что в Воронеже, без хорошей научно-богословской библиотеки, а главное — при гнетущей заботе о пропитании семьи, наукой в широком масштабе я заниматься не могу. Между тем поднимался чисто местный интерес к истории Донского-Воронежского края. Результатом стали две большие работы: «История Воронежской духовной семинарии» и «Монашество на Дону». Первая книга утвердила за мной степень магистра богословия, вторая удостоилась почетного отзыва Синода.

Эти работы выдвинули меня среди тружеников по истории края: в Архивной комиссии и в Церковно-историко-археологическом комитете — в должности делопроизводителя, а потом председателя, а главное — фактического редактора «Воронежской старины». Мною издано одиннадцать выпусков (только) этого издания, имеющего, несомненно, крупное значение для местной истории.

Все эти работы давали мне небольшой дополнительный заработок — рублей по 300–500 в год, что было весьма существенно для содержания семьи. Вообще, материальный вопрос в это (да и в последующее) время очень неблагоприятно влиял на работу и особенно на настроение. В связи с этим многочадие делалось источником не радости, а тяжелых дум и мелочных, но не мелких неприятностей в семейной жизни. Правда, оглядываясь назад, ясно видишь, что многие потребности были выдуманнными, что часто заботился не о себе и детях, а о вещах. Но тогда (до революции) ограничения казались невозможными, так как «приличия» требовали и ненужных вещей, и квартиры на пять-шесть комнат...

Но все это ясно теперь, а не тогда. В те годы жизнь казалась тяжелой, особенно жене. При своей природной слабости она нуждалась в малом напряжении физических сил, в покое, а частая беременность, кормление грудью при собственном худосочии, возня с пеленками и уход за большими детьми окончательно разбивали ее, делая раздражительной, постоянно недовольной, несмотря на нашу взаимную любовь. Все это тяжело отзывалось и на мне: хотя я примирился с выпавшей мне долей, но работать плодотворно и идейно мог с большими задержками.

Дети. Как я относился к ним? Вступая в брак, я мало об этом думал. Теоретически я ожидал, что дети будут, но почему-то считал, что рождение их наступит нескоро и что их будет немного. Но появления первого ребенка через девять месяцев после венца, а через год — рождения других детей я не ожидал и не хотел. И потому я нянчился с ними без подъема любви, и самая любовь к ним росла во мне медленно, по мере этого нянчания.

Трезво, чисто рассудочно относясь к жизни, не обеспеченный материально человек не должен иметь детей — или иметь их не более двух-трех. Но ведь для этого нужно или отказаться от естественных отношений между мужем и женой, или прибегнуть к вытравлению зачатия. Первое невозможно без развода, а второе равносильно детоубийству, хотя и в скрытой форме. Более правильный выход из положения — государственное обеспечение детей при условии многочадия, так как дети — будущее государства.

В декабре 1904 года меня назначили епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ. Я добивался усиленно этой должности: народное учительство в духе церкви всегда было моей мечтой. Большую роль играла и материальная сторона: к содержанию прибавлялась одна тысяча рублей.

Семь лет продолжалась эта работа. Я понимал ее всерьез. Очень много ездил по школам, давал советы учителям, беседовал со священниками, входил в сношения с земствами и отдельными попечителями школ... Но я не учел, что само духовенство смотрит на школу не так серьезно, а скорее видит в ней навязанную ему обузу. Наконец, когда стало ясно, что духовенство не даст денег на школы, я решил уйти. Не скрою, что уход диктовался не только идейными побуждениями, но и недостатком средств. И потому я ушел в директоры народных училищ. И тогда, в 1912 году, и теперь я считал и считаю этот шаг своим падением, отказом от любимого дела. В этом шаге забыт был основной мотив всей жизни — работать не для личных выгод, более того — работать, несмотря на неуспешность работы. Мое дело — стремиться к цели, а увенчается ли дело успехом — это во власти Божией...

Вспоминая эту работу, должен признать, что она имела положительные результаты: я три раза провел педагогические курсы для учителей, многие школы обзавелись хорошими зданиями благодаря мне, многим учителям я помогал из казенных сумм, но без меня они этой помощи не получили бы. Составлена история 25-летия школ, написано очень много статей в защиту церковной школы и для выяснения ее идейного смысла. В них было очень много неугодного начальству, которое в письмах и лично внушало мне не вскрывать болезней школы. Но я не слушал этих советов.

Я решил уйти из Воронежа немедленно. А так как директорство в народных училищах было только обещано, то я настоял на переводе меня наблюдателем в Новочеркасск. Таким образом, номинально летом 1912 года я числился донским наблюдателем, а в сентябре переехал в Полтаву, где получил место директора народных училищ. Жена и дети радовались этому переезду, ожидая материального улучшения жизни. Я ехал с грустным настроением от сознания, что отрекся от любимого дела.

В новой должности я продолжал работать совершенно в том же направлении, как и в наблюдательской: ездил по школам, давал советы учителям, созывал на съезды инспекторов, проводил учительские курсы, читал на них лекции. Как потом убедился из писем, лекции производили очень сильное впечатление на слушателей своей искренностью и поднимали настроение учителей.

Но в процессе этих работ я не чувствовал собиравшейся над моей головой беды. Так как я перешел в Полтаву из наблюдателей, работа коих почти свободна от канцелярии, то не обратил внимания, что директорство носит преимущественно канцелярский, а не педагогический характер. А потому эта часть и доверена была делопроизводителю Семенову, которого рекомендовали мне как честнейшего человека. А между тем он пользовался этим доверием, выпуская фальшивые ассигновки, то есть подделывая мои подписи и получая по этим ассигновкам деньги.

1 июля 1914 года я был переведен в Каменец-Подольск (ныне — Каменец-Подольский. — В.Н.). И это был большой удар по моему самолюбию, так как перевод без прощания был очевидным наказанием. А я мнил себя невиновным в семеновском деле, а в качестве педагога — выдающимся деятелем. Но пострадало не только самолюбие. Перемещение совпало с началом [Первой Мировой] войны. Приходилось переезжать с семьей и имуществом среди мобилизации на самый театр военных действий. Это было разорительно и страшно. Поэтому выпросил отсрочку, и мой преемник Моралевич, скрепя сердце, согласился помедлить с переселением.

Так оттянулось дело до начала 1915 года, когда я один, без семьи, перебрался в Каменец-Подольск. Четыре месяца прожил я в нем, ежедневно думая о переводе,

который был мне обещан киевским почитателем и другими лицами. Не дождавшись ничего до весны, я сам поехал в Петроград к министру народного просвещения гр. Игнатьеву и там добился перевода в Саратов. И это было большою для меня радостью: университетский Саратов был лучше не только Каменец-Подольска, но и Полтавы.

В Каменец-Подольске я был как бы поденщиком, так как совсем не думал оставаться там. А близость военных действий, постоянная опасность неприятельских нашествий и отдаленный гул канонады еще более усиливали это настроение.

13 июля 1915 года мы приехали в Саратов. Я был доволен местом и думал поработать на нем основательно. Революция пресекла планы: начиная с октябрьского переворота до апреля 1918 года все дело ограничивалось незначительной перепиской с уездами. Наконец дирекция была упразднена.

Но еще летом 1917 года я неожиданно для себя был назначен директором новой четырехклассной гимназии, и в этой должности пробыл ровно один учебный год. Это была живая работа педагога, и я рассчитывал, что посвящу ей и последующие годы. Но большевистская власть прервала ее, несмотря на то, что я был выбран вновь и педагогическим советом, и родительским комитетом единогласно.

Ретроспективное наблюдение: во время директорства я мало работал для печати, издал только брошюру «Властители дум». Я не оседал прочно на новой почве, не пускал в нее духовных корней, скользил по ней, а потому и не мог извлечь из нее питательных соков. С другой стороны, под влиянием переездов и административных хлопот ослабела внутренняя духовная работа.

Ну, а материально я выиграл, отказавшись от наблюдательства? Нет и нет. Жена вспоминает улучшение быта в Полтаве, но это было временно. А потом нужда испытывалась не меньшая, чем в Воронеже: вечная нехватка денег, вечное недовольство и столom, и одеждой, и недостаток развлечений.

Вывод определенный: отказ от идейного дела не послужил добру даже материально. Следовало помнить вечные слова Спасителя: «Ищите прежде всего Царствия Божия и славы Его, и сия вся (то есть материальные блага) приложатся вам». А я сделал наоборот и потерпел поражение. Так мне и надо.

В первые же дни после февральского переворота 1917 года я хорошо понимал, что мирная просветительская работа кончена и что предстоит длительный период тяжких для семьи лишений. Об этом я писал в Киев Лизе (старшей дочери. — В.Н.), утверждая, что по крайней мере в течение десятка лет Россия будет кипеть в пламени партийных и национальных страстей. Сознавая, что в революции есть большая доля правды, что социальные несправедливости должны быть уничтожены, я был, однако, сторонником эволюции, то есть мирного преобразования государства. Но я понимал, что эволюция встречает неодолимые препятствия в имущих деньги и власть классах, и что без крови дело не обойдется. Но так как кровь решительно противна моей душе и столь же решительно отвергнута Евангелием, то мне не было места среди деятелей революции.

Итак, я был только пассивным наблюдателем. А поскольку раньше я был чиновником царского правительства, то в годы революции опасался попасть в список неблагонадежных. Этого не случилось. Но четыре года такого настроения придавили мое самочувствие, сделали молчаливым и боязливым.

Отброшенный от активного участия в происходящем, я не мог быть только созерцателем: надо было питаться и питать семью. И потому я пошел на службу к революционной власти. И мне казалось, что я смогу остаться аполитичным. Но на деле это продолжалось недолго — пока я оставался только конторщиком в Зернобанке. Однако уже через полгода мне поручили ответственную работу, которую я уже и продолжаю четвертый год,

Работа из-за хлеба и только из-за хлеба в течение четырех лет очень тяжело сказывалась на настроении. И это давало только возможность избежать настоящего голода. Но полуголодное существование переживалось все время, особенно остро сказываясь на жене и Асе (младшей дочери. — *В.Н.*). Утешением служило и служит лишь то, что остальные дети благополучно переносят это, как неизбежный жребий. Вообще дети, по мере духовного созревания, поддерживают во мне бодрое настроение своим спокойствием и даже материальной помощью.

Четырехлетняя работа по продовольствию в конце концов так опротивела мне, что я решил ее бросить, а вместе с тем бросить и Саратов, где у меня не было никаких связей и привязанностей и где квартирные условия и соседские отношения приняли прямо удушающий характер. И в результате я перебрался в НКФ в Москву на работу опять не по душе, а только для пропитания.

Я думаю, что моя жизнь приведет вас к таким выводам.

1. Основа жизни в Боге. Если у вас поколебалась вера, ищите ее всеми путями. Доказать бытие Бога нельзя. А жить без веры в Бога можно только животной жизнью.

2. На Божественной основе стройте жизнь идеалистическую. Работайте не для желудка, а для осуществления высоких идеалов — истины, добра и красоты — в науке, в просвещении людей, в агрономии, в искусстве. Шкурный вопрос неизбежен; но душа ваша должна лежать не в нем, а в идеалах.

3. Будьте настойчивы и упорны в достижении идеальных целей.

4. Всегда трудитесь, не ожидая награды, а покорно исполняя заветы Христа. Более всего гоните от себя мысль о награде и благодарности от людей, так как работа для благодарности постоянно будет разочаровывать вас и отравлять вашу жизнь. Только тогда испытаете радость жизни, когда будете работать из любви к самому делу, когда будете совершенствоваться, расти без оглядки назад, по Христову идеалу: «будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Евангелие от Матфея, ст. 48).

1922 г., 20—III

